

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

ТОКИЙСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

МОСКВА
2021

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44
М91

HARUKI MURAKAMI
TOKYO KITAN SHU

Copyright © 2005 by Haruki Murakami

Перевод с японского *Андрея Замилова*

Оформление серии «Мураками-мания» *Наталлии Ярусовой*
Оформление серии «Pocket book» *Степана Костецкого*

Фото на обложке: chanchai duangdoosan / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мураками, Харуки.

М91 Токийские легенды / Харуки Мураками ; [перевод с японского А. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-04-122370-0(Pocket book)

ISBN 978-5-04-122368-7(Мураками-мания)

Сборник рассказов самого знаменитого мастера современной японской литературы — своего рода коллекция таинственных городских легенд. Здесь призрак серфера, погибшего от зубов акулы, бродит по гавайским пляжам; благополучный отец семейства таинственно исчезает между двадцать четвертым и двадцать шестым этажом высотного дома; перекати-камень в форме почки имеет собственные намерения, а обезьяна из района Синагава охотится за чужими именами.

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-122370-0
ISBN 978-5-04-122368-7

© А. Замилов, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

СЛУЧАЙНЫЙ ПУТНИК

Я, Харуки Мураками, — автор этих историй. Рассказывать их я буду от третьего лица, а сам появлюсь только в предисловии. Как в каком-нибудь старинном представлении — выйду перед закрытым занавесом, скажу несколько слов, поклонюсь и уйду. Времени много не займет, поэтому наберитесь терпения.

Почему я здесь появился? Просто подумал, что пришло время рассказать несколько странных историй, случившихся со мной в прошлом. Признаться, случаи такого рода происходили в моей жизни нередко. Некоторые имели смысл и как-то повлияли на мою жизнь. Некоторые же так незначительны, что и не заслуживают особого внимания. Они никак на мне не отразились... пожалуй.

Но даже если вынести этот опыт на суд честной компании, ожидаемого воздействия он не окажет. Скорее всего, рассказ закончится отрезвляющим: «Вот оно как... Чего только на свете не бывает...» Беседу эта фраза не поддержит, а тема захлебнется банальным: «И со мной нечто похожее бывало». Буд-

то пущенная не в то русло вода, мой рассказ уйдет — как в песок. Повиснет короткая пауза, и после нее кто-нибудь другой заведет совсем другой разговор.

Видимо, проблема тут — в манере речи, подумал я и попробовал описать все то же самое в журнальных очерках. Надеялся, что к письменной форме люди отнесутся с бóльшим интересом. Не тут-то было — мне почти никто не поверил. Некоторые так и сказали: все это выдумки. Считали, раз я писатель, то все мои истории в большей или меньшей степени — фантазии. Действительно, когда я пишу прозу, то занимаюсь откровенным сочинительством, на то она и проза. Но в остальное время абсурдных небылиц нарочно не выдумываю.

Так вот, пользуясь случаем, вместо пролога к повествованию я хочу вкратце поведать вам одну причудливую житейскую историю. Самую незначительную. Иначе, если дело дойдет до событий, изменивших мою жизнь, на это уйдет как минимум половина книги.

С 1993 по 1995 год жил я в городке Кембридж штата Массачусетс. Имел статус преподающего писателя и работал над длинным романом «Хроники заводной птицы». На площади Чарльза в Кембридже есть джаз-клуб «Бар Регата», где мне довелось побывать на множестве джем-сейшенов. Зал у них подходящих размеров, атмосфера весьма располагает, там часто играют известные музыканты и много за это не берут.

Как-то раз там выступало трио под руководством пианиста Томми Фланагана. Жена моя тем вечером была чем-то занята, и я пошел в бар один. Томми Фланаган — один из самых моих любимых джазовых пианистов. Обычно в составе какого-нибудь джаз-банда он играет пылко и проникновенно, утонченно-уверенно. Его соло непревзойденно красивы. Устроившись с бокалом калифорнийского мерло в руке поближе к сцене, я наслаждался его выступлением. Но если честно, то в тот вечер его игра не зажигала. Может, он неважно себя чувствовал или был не в духе. Вечер едва начался. Нет, выступление было совсем не плохое, но в нем не хватало чего-то. Не брало за душу. Даже магического блеска в глазах не было. «На него не похоже. Может, еще поймает кураж», — надеялся я и слушал дальше.

Но время шло, а желаемый кураж не приходил. Чем дальше, тем больше во мне крепло что-то вроде раздражения. Не хотелось бы, чтобы все закончилось именно так. В этот вечер хотелось бы чего-то запоминающегося, а завершится все так — и останется лишь разочарование. Или почти ничего не останется. К тому же вряд ли представится случай услышать Фланагана еще раз (как, по сути, и произошло).

Меня вдруг посетила мысль: а что, если мне разрешат заказать две мелодии? Какие я предпочту? Хорошенько поразмыслив, я выбрал «Барбадос»

и «Несчастливых влюбленных». Первая — композиция Чарли Паркера, вторая — Дюка Эллингтона. Для несведущих в джазе поясню: ни ту ни другую популярной не назовешь. Играют их редко. Первую иногда удается услышать, но в творческом наследии Чарли Паркера она занимает далеко не главенствующее место. Что же до второй, многие ее вообще никогда не слышали. Этим я хочу сказать тебе, читатель, что выбор мой был сделан со вкусом.

У такого мысленного заказа маэстро, несомненно, были свои причины. Томми Фланаган их впечатляюще записал: первую — как пианист на альбоме «Dial J. J.» (1957 год) группы Дж. Дж. Джонсона, вторую — в составе квинтета Пеппера Адамса и Зута Симза на альбоме «Encounter!» (1968 год). За свою долгую карьеру Фланаган переиграл и записал бесчисленное количество мелодий, но я любил его соло именно из этих двух — пусть короткие, но интеллектуальные и живительные. Поэтому я и подумал, что было бы здорово услышать их сейчас собственными ушами. Вот он спускается со сцены, прямиком подходит к моему столику и говорит: «Эй, привет! Давно смотрю на тебя. Похоже, ты хочешь что-то услышать на заказ? Валяй, назови пару мелодий!» Представляя эту картину, я не сводил с него глаз. Прекрасно осознавая, что это сумасбродная, несбыточная идея.

Однако Фланаган даже не взглянул в мою сторону. Не говоря ни слова, он просто сыграл под

занавес одну за другой эти две композиции! Сначала балладу «Несчастливые влюбленные», затем ритмичную «Барбадос». Не выпустив бокала из рук, я просто лишился дара речи. Я был просто ошеломлен. Надеюсь, любители джаза меня поймут. Вероятность того, что из бесчисленного количества джазовых композиций маэстро напоследок сыграет именно эти две, астрономически ничтожна. И — что немаловажно для такого события — исполнение было прекрасным и чарующим.

Второе событие произошло примерно тогда же. И тоже связано с джазом. В тот день я заглянул после обеда в магазин подержанных пластинок недалеко от музыкального колледжа Беркли. Порыться на полках со старыми дисками — один из немногочисленных смыслов моей жизни. В тот день я откопал старую пластинку Пеппера Адамса «10 to 4 at the 5 spot» лейбла «Riverside». Это живая запись неподражаемого квинтета Пеппера Адамса при участии трубача Доналда Бёрда в нью-йоркском джаз-клубе «Five Spot». «10 to 4» означает «без десяти четыре утра». В смысле, они так разошлись, что играли до рассвета. Фирменное издание в таком состоянии, будто конверт только что вскрыли, — и стоит каких-то семь-восемь долларов. У меня был японский диск, но уже изрядно мною запиленный. К тому же приобрести фирменное издание в таком состоянии и за такие деньги — своеобразное чудо. Сияя от счастья, я ку-

пил пластинку и направился к выходу. Там меня окликнул шедший навстречу парень:

— Hey, you have the time?¹

Я взглянул на часы и машинально ответил:

— Yeah, it's 10 to 4.

И только после этого чуть не поперхнулся, заметив совпадение. Да ну! Что же такое вокруг меня происходит? Такое ощущение, что бог джаза (если он есть где-нибудь в небе Бостона) улыбается, подмигивая мне: «Yo, you dig it?»²

Оба этих случая совершенно незначительны по своей сути. Течения жизни они не изменили. Просто меня поразила сама их причудливость. Из разряда «бывает же такое».

Признаться, я мало интересуюсь оккультными явлениями. Гадания меня не прельщают. Я считаю: чем идти за решением к гадалке, куда лучше напрямч собственную голову. Голова — так себе, но с ее помощью выйдет, по крайней мере, быстрее. Так же безразличен я к экстрасенсам. Если честно, нет у меня ни малейшего интереса ни к метемпсихозу, ни к духам, ни к посланиям насекомых, ни к телепатии, ни к концу света. Это совсем не значит, что я во все это нисколько не верю. Я даже считаю — пусть будет, раз есть. Лишь бы не каса-

¹ «Эй, время знаешь?» (англ.) (Здесь и далее прим. переводчика.)

² Здесь: «Ну как, в кайф?» (англ.)

лось меня лично. И все же немногочисленные таинственные явления время от времени оставляют след даже в моей скромной жизни.

И что, я их целенаправленно анализирую? Ничуть. Просто принимаю как есть и продолжаю жить, как и прежде. Размышляя: «Бывает же такое» или «Пожалуй, бог джаза существует».

Следующую историю рассказал мне один знакомый. Я по какому-то поводу изложил ему два предыдущих эпизода, после чего он серьезно задумался и наконец произнес:

— По правде говоря, мне довелось пережить нечто похожее. Ни с того ни с сего. Особо странным этот опыт не назовешь, но подходящее объяснение происшедшему на ум не приходит. Как бы там ни было, случайное стечение обстоятельств в результате привело меня в совершенно неожиданное место.

Чтобы стало непонятно, о ком идет речь, я изменил несколько фактов, а в остальном сохранил его рассказ как есть.

Он — настройщик пианино. Живет в западной части Токио, недалеко от реки Тама. Сорок один год, гомосексуалист. Своих сексуальных наклонностей особо не скрывает. Есть у него бойфренд на три года младше — он работает в сфере недвижимости и постоянно бывает занят. Поэтому живут они порознь. Хоть мой знакомый — настройщик, но окончил

консерваторию по классу фортепиано и навыков игры на инструменте не теряет. Он мастерски и проникновенно исполняет произведения французских композиторов Дебюсси, Равеля, Эрика Сати. Но больше всего любит музыку Франсиса Пуленка.

— Пуленк был геем и не пытался этого скрывать, — как-то раз сказал он мне. — По тем временам ему приходилось несладко. Он часто говорил: «Я бы не состоялся как композитор, не будь я геем». И я прекрасно понимаю, что он хотел этим сказать. То есть, чтобы стать искренним со своей музыкой, нужно так же быть искренним с собой как с гомосексуалистом. Такова музыка, такова сама жизнь.

Мне самому давно нравится музыка Пуленка, поэтому, когда мой знакомый приходит настроить наше старое пианино, после работы иногда он играет несколько коротких композиций. Например, «Французскую сонату» или «Пасторальную».

Гомосексуализм в себе он открыл, поступив в консерваторию. Прежде об этом даже не задумывался. Симпатичный, воспитанный, спокойный, в школьные годы он был популярен у девочек. Одной подруги у него не было, но на свидания несколько раз ходил. С девочками ему нравилось гулять. Нравилось рассматривать вблизи волосы девушек, вдыхать их запах на затылке, сжимать маленькие руки. Но сексуального опыта у него не было. На одном свидании он понял, что девушка ждет от

него определенных действий. Но решиться на этот шаг не смог. Он не ощущал в себе необходимости такого шага. Все без исключения товарищи его были одержимы этим неистовым демоном по имени «сексуальный импульс», не справлялись с таким напором и, как могли, рассеивали его вокруг. Однако в моем знакомом такого импульса не наблюдалось. И он считал себя «позднеспелым сортом». А может, свою истинную любовь просто еще не встретил?

Поступив в консерваторию, мой знакомый начал встречаться с сокурсницей, учившейся на отделении ударных инструментов. Она оказалась хорошей собеседницей, и, когда они бывали вместе, возникало ощущение близости. Уже вскоре после знакомства они занялись в ее комнате сексом. По ее прихоти. Отчасти сделал свое дело алкоголь. Все прошло без каких-либо помех, но почему-то не так заводило и волновало, как в чужих рассказах. Скорее мой знакомый решил, что это какой-то грубый гротеск. Он никак не мог привыкнуть к еле различимому запаху, исходящему от женского тела при сексуальном возбуждении. Чем осуществлять с подругой непосредственно половой акт, ему было куда приятнее вести дружескую беседу, играть дуэтом музыку, вместе ужинать. И с каждым днем секс с нею стал его все больше тяготить.

Но даже при этом он по-прежнему считал себя сексуально равнодушным человеком. И вот однажды... ладно, не будем об этом. Начнешь рассказ —